

ФЛЕЙТА В ОРКЕСТРЕ «ФОМЕНКО»

Ольга Фукс

Итальянку Моника Санторо в театр «Мастерская Петра Фоменко» судьба привела длинным кружным путем: через консерваторию по классу флейты и факультет иностранных языков в университете Урбино, через преподавание, игру в студенческом театре и стажировку в Санкт-Петербурге, которая обернулась учёбой в СПбГАТИ и работой в театре «Особняк». Пока однажды Пётр Наумович не объявил набор в стажёрскую группу.

КАК ПО НОТАМ

«Мастерская Петра Фоменко» – лидер по количеству иностранцев. Почему Петр Наумович, который так трепетно относился к звучанию слова, к интонации, понял, в чем прелесть вливания другой крови, прививка другой культуры?»

Думаю, что он собирал команду по ощущениям, мог расслышать, как прозвучит данный актер в ансамбле. Он был влюблен в своих актеров и подбирал их как инструменты в оркестр. Вообще на репетициях употреблял много музыкальных терминов. Он был влюблен в своих актеров и подбирал их как инструменты

в оркестр. Вообще на репетициях употреблял много музыкальных терминов. Говорил – как дирижер и музыкант за нотами должны услышать мелодию, так актер за словами должен распознать действие. Призывал нас читать пьесу, как ноты. А когда правильно разобрано действие, ты вдруг ощущаешь небывалую свободу – как в хорошо разобранный партитуре.

Он учил находить в предложении самое важное слово и идти к нему, как к кульминации. Для меня, кстати, это очень сложно: мне каждое слово в предложении кажется важным. Иногда мне нужно заново пройти с кем-то текст и вспомнить ударения, потому что мело-

дика языка другая. В результате из наших столь разных голосов складывалась особая мелодия.

Если продолжить аналогии с музыкой, занятия ею предполагают скучный, но необходимый период оттачивания техники.

Конечно, и у нас такие моменты были. Особенно мне, без глубокого знания языка, приходилось все учить наизусть, в надежде, что потом я все пойму и почувствую. Особенно сложно было со стихотворным текстом, который сначала кажется ненатуральным, а потом звучит как волшебная музыка. Однажды, когда мы репетировали «Сказки Арденнского леса», Петр Наумович сказал про меня, дескать, видите, вот она поняла, как надо существовать. А я же просто старалась держать ритм. И только со временем смогла наслаждаться этим текстом как музыкой. И вообще, даже когда я еще не все понимала по-русски, сидя на репетициях у Петра Наумовича, не могла не чувствовать, что он создает нечто прекрасное по мелодике звучания.

МАСКА, Я ТЕБЯ НЕ ЗНАЮ

В работе над недавней премьерой по пьесе Луиджи Пиранделло «Гиганты горы» вы не только репетировали, но и были своеобразным экскурсоводом по миру писателя. Что вы рассказывали своим коллегам?

Мне кажется, я еще недостаточно рассказала, но в любом случае, мы все по-

нимаем, что работу над спектаклем стоит продолжать, и прекрасно, что молодые актеры рискнули ставить этот потрясающий, загадочный, не дописанный текст (одна из моих любимых пьес). Так что это своего рода work in progress. Перевод был просто замечательный, какие-то нюансы уточнились уже во время репетиций и что-то пришлось поменять. Я немножко рассказала о комедии дель арте, показала разные упражнения – мне кажется это важная тема, раз мы решили браться за итальянской пьесой. Тем более, что тема маски для Пиранделло чрезвычайно важна. Каждый носит маску, обращенную к тому, с кем он общается: ты есть то, что я вижу в тебе. Но тебя видят еще и другие, а для других ты надеваешь другие маски. А кто же ты на самом деле?

Так получилось, что комедию дель арте я изучала в России – сначала, когда переводила мастер-классы итальянских мастеров, например Клаудио де Мальио в Щукинском училище (правда, когда я перевожу, не очень запоминаю суть). Потом, когда работала в Санкт-Петербурге, и к нам приезжал Микеле Монетта помочь в работе над спектаклем, где я играла Пульчинеллу.

Еще мы говорили про юг Италии, Сицилию, откуда родом Пиранделло, про маленькие города, где все друг друга знают, где сильны религиозные запреты и предрассудки, где нельзя нарушать устои и давать волю воображению. Говорили мы в частности, про тарантеллу. Название танца связано с мифическим пауком тарантулом, укус которого мог принести человеку адские душевные и физические боли. Общество отторгало таких людей, но и по-своему заботилось о них, заставляя танцевать сутками этот сумасшедший танец – тарантеллу – чтобы яд болезни вышел из них.

У нас это назвали бы изгнание бесов.

Да. Место действие в пьесе – Вилла Отчаянье. Мы не очень точно пере-

вели – Вилла Скалонья. У слова «скалонья» есть определенное значение: невезение, отверженность, плохая карма. Скалоньято – человек, который несет в себе несчастье. Если вы смотрели фильмы про Уго Фантоцци – вот пример скалоньято. Но Вилла Несчастье по-русски звучит как-то неправильно, поэтому Отчаяние. Туда убежали те, кто не мог оставаться в обществе. Пиранделло умер в 36-м году, и ощущение, что мир вот-вот кардинально изменится, вибрация какая-то, напряжение, ощущаются в его пьесах. Когда я смотрю спектакль Стрелера, с его актерами-аристократами, с той, может быть, наивной серьезностью, с которой они произносят текст Пиранделло, длинейшие монологи Катроне, я испытываю то же чувство. Но, мне кажется, сегодня все то же самое надо играть быстрее, легче, тот же страх перед меняющимся миром передать через стремительную быстроту.

Ваша колоритная тетенька из общежития в спектакле «Рыжий» – это скорее маска или картинка с натуры?

Мой папа, когда увидел, воскликнул – чего ты неаполитанку играешь, тетю Элизу свою? Он не поверил, что играю русского персонажа! Мне кажется, что Россия и Италия не так уж далеки. Главное – человеческая история любви, и личный опыт, на который надо посмотреть с юмором. Конечно, бытовые подробности создают определенную атмосферу, но все равно все строится по законам поэзии, и она универсальная. Вообще для нас «Рыжий» – не просто спектакль, а исповедь. Мы возили его в Свердловск-Екатеринбург, где самым ярким впечатлением стала встреча с семьей Бориса Рыжего: мамой, сестрами и женой.

Расскажите о вашем родном городе?

Через несколько месяцев после моего рождения мы переехали в маленький

город Довадола в ста километрах от Флоренции. В нем от силы четыре улицы, все друг друга знают. У моей мамы там было кафе, и когда бабушка приводила меня, все относились ко мне, как к маленькой принцессе – как же, хозяйкина дочка. Там есть потрясающее место – мост над небольшой рекой, внизу маленький стадион, а сверху крутая гора без зелени: покой посреди дикой природы. На уровне энергетики – очень сильное место, особенно когда звонят колокола двух церквей. В одной из них похоронена молодая женщина Бенедетта Бианкипорро, которую хотят канонизировать. Она сильно болела, но очень светло относилась к жизни, помогла многим людям, и теперь к ее могиле всегда паломничество. Очень советую там побывать. Сейчас я понимаю, что мне физически не хватает этого места и стараюсь почаще туда приезжать. Хотя и очень рада, что могу работать здесь.

В университете вы выбирали между русским, датским, японским и чешским. Почему победил русский?

На самом деле я хотела быть актрисой, но не знала, как это сделать, – и пошла по знакомому пути: изучать языки в университете Урбино (потрясающе красивый город, где студентов больше, чем жителей, и они с удовольствием учатся там лет по десять – кажется, что там весь мир собрался). Начала изучать английский и испанский, но по испанскому мне не понравился профессор, и я решила поменять его на какой-нибудь сложный. Два года учила чешский, потому что был потрясающий педагог. Ну и русский, потому что Достоевского и Толстого всегда любила – когда, думала, еще языки учить.

А оказался бы профессор испанского хорошим, и не было бы русской актрисы Моники Санторо...

Не знаю, но я рада, что мне жизнь подарила возможность приехать сюда. Во

время учебы в Университете я получила грант на стажировку в Праге, потом в Петербурге. Я прилетела и в аэропорту меня встретил суровый мужчина с моим именем на табличке. Я поняла, что я одна, впервые так далеко от своих и в машине чуть не расплакалась...но вдруг я увидела из окна Петербург, залитый солнцем. И у меня возникло ощущение – без него бы я не осталась – что я здесь была в какой-то другой жизни и что здесь есть какой-то волшебный театр, и я его найду для себя.

Полгода я собирала материал о театрах Петербурга в 90-х: Театр Комедии, МДТ, Кукольный театр на Невском, АХЕ, НеБДТ Льва Эренбурга, «Особняк», в котором я потом работала. Однажды попросилась на занятия по мастерству в Академию, на курс Рецептера, где познакомилась со многими педагогами. Потом приехала еще раз и начала учиться на курсе Юрия Михайловича Красовского. Вдруг однажды почувствовала, что сделала в Петербурге все, что смогла. В Москве пока нет.

Интересно, какое самое сложное произведение вы играли, когда учились в Консерватории?

Не знаю какое самое сложное, но могу сказать, какое любимое: «Фантазия» Форе – не простая партия. У меня были неплохие оценки, но я сбежала и не доучилась до диплома, потому что у меня не было чувства, что я люблю свой инструмент больше всего на свете. Зато начала играть в Урбино в студенческом театре.

Насколько тесно вы связываете свое будущее с Россией, в которой многое менялось, свое будущее?

Я воспринимаю Россию через театр и счастлива, что благодаря театру я встретила здесь столько замечательных людей. Надеюсь, это связь никогда не прервется. Люблю то, что делаю здесь и пока чувствую себя на месте. Как будет дальше – не знаю. Как говорится по-русски: «Поживем-увидим».

A FLUTE IN THE "FOMENKIAN" ORCHESTRA

Olga Foux

AS IF SUNG TO NOTE

FATE BROUGHT ITALY'S MONICA SANTORO INTO THE PYOTR FOMENKO WORKSHOP IN A LONG ROUNDABOUT WAY: VIA A FLUTE CONSERVATORY AND A FOREIGN LANGUAGES DEPARTMENT AT THE URBINO UNIVERSITY, VIA TEACHING, PERFORMING AT A STUDENT THEATRE AND INTERNING IN ST PETERSBURG, WHICH TURNED INTO STUDIES AT THE ST PETERSBURG STATE THEATRE ARTS ACADEMY AND WORK AT THE OSOBNYAK THEATRE. UNTIL ONE DAY PYOTR NAUMOVICH ANNOUNCED RECRUITMENT INTO HIS TRAINEE GROUP.

The Pyotr Fomenko Workshop is a leader in the number of foreigners that it has. Does that mean that Pyotr Naumovich, who treats the sound of the word, the inflexion with such reverence, realized the beauty of infusing foreign blood, injecting a different culture?

I think that he was putting together a team based on his perceptions, he could hear the way a particular actor would sound within a cast. He was in love with his actors and selected them the way one would select instruments for an orchestra. He used a lot of musical terminology during his rehearsals. He used to joke that he made his selections based on the 'strong personality - weak personality' principle. 'Monica here,' he'd say, 'she had one strong personality... had.' He would explain it this way: an actor must recognize the action behind the words the same way a conductor and a musician must hear the melody behind the notes. He called on us to read a play the way we would a musical score. And when

the action is properly interpreted, you suddenly feel a sense of unparalleled freedom - like you would with a well-interpreted score.

He taught us to find the most important word in a sentence and move toward it as if it were the climax. For me it is a very difficult thing to do, by the way: I think that every word in a sentence is important. Sometimes I need to go over a text with someone once again and remember all the accents, because the melody of this language is different. As a result, all of our voices, as different as they were, came together to form true polyphony.

If we were to continue with our musical analogies, music lessons presuppose a boring but essential period of perfecting the technique...

Absolutely, and we had moments like that. Especially in my case, without a profound knowledge of the language, I had to learn everything by heart in the hope that I would understand and feel everything later. The most difficult part was dealing with texts written in verse, which seemed unnatural at first but would later sound like enchanting music. Once, when we were rehearsing "Tales of the Forest of Arden", Pyotr Naumovich pointed at me and said, you see, she got it, she knows how to exist. But I was merely trying to keep up the rhythm. And it was only after some time that I was able to enjoy this text as music. Even when I wasn't yet able to understand everything in Russian, I would sit in during Pyotr Naumovich's rehearsals and couldn't help but feel that he was creating something melodically beautiful.

I DO NOT KNOW YOU, MASK

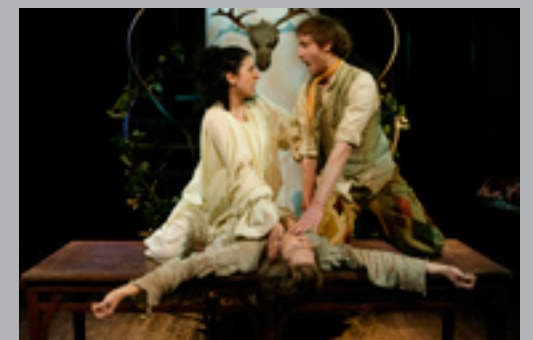
In working on the recent premiere based on Luigi Pirandello's play "The Giants of the Mountain" you did more than just rehearse, you were also a guide of sorts to the writer's world. What did you tell your colleagues?

I think I didn't tell them enough, but in any case we all understand that we need

to continue working on this production, and it is wonderful that young actors took a chance on staging this amazing, mysterious, unfinished text (one of my favorite plays). So it's a work in progress in a way. The translation was absolutely wonderful, some of the finer points were tweaked already during the rehearsals, certain things needed to be changed. I told them a little bit about commedia dell'arte, showed them different exercises - I believe it's a relevant topic, since we decided to tackle an Italian play. All the more so because the topic of mask is extremely important for Pirandello. Everyone wears a mask that is turned to the one they communicate with: you are what I see in you. Yet there are others that see you as well, and for them you put on different masks. But who is it that you really are?

It so happened that I studied commedia dell'arte in Russia. At first, when I was translating workshops by Italian theatre instructors, such as Claudio de Maglio, for instance, at the Shchukin Institute (though, when I translate, I don't really remember the essence that well). Then, when I worked in St Petersburg, Michele Monetta came to visit us to assist in a production, where I played the role of Pulcinella.

We also talked about the south of Italy, about Sicily, where Pirandello is from, about small towns, where everybody knows everybody, where religious taboos and stigmas are strong, where principles should never be broken and imagination cannot be given free rein. We talked about taran-

change drastically, this vibration of sorts, a tension. I get the same feelings when I watch Strehler's production, with his aristocratic actors and that, perhaps a bit naive, solemnity with which they deliver Pirandello's lines, and Cotrone's extremely long monologues. But I think that today all of that needs to be acted out faster, lighter, that same fear of the changing world needs to be conveyed through lightning speed.

Your flamboyant auntie from the dormitory in the production of 'Ryzhiy', which is based on the poetry of Boris Ryzhiy, who died tragically at the age of 26 – is that more of a mask or a picture taken from real life?

My dad, when he saw it, exclaimed, 'Why are you playing a Neapolitan, your aunt Elisa?' He didn't believe that I was playing a Russian character! I think that Russia and Italy are not that different from each other. The important thing is the human love story and personal experience that needs to be looked at with humor. Naturally, the particulars of the everyday life create a specific atmosphere; still, everything is put together in accordance with the laws of poetry, and poetry is universal. In fact, for us 'Ryzhiy' is more than just a production, it's a confession. We took it to Sverdlovsk-Yekaterinburg, where the biggest highlight was meeting Boris Ryzhiy's family: his mother, sisters and wife.

Can you tell us about your hometown?

Several months after I was born, we moved to a small town of Dovadola, a hundred kilometers from Florence. There are four roads tops, and everybody knows everybody. My mom had a caf there, and when my grandmother would bring me along, everybody there treated me as a little princess: I was the owner's daughter, after all. There is this delightful spot – a bridge over a small river, a small stadium below, and above – a steep mountain with no vegetation. The calm among the wilderness: it is quite powerful in terms of energy, especially, when the two churches start ringing their bells. A young woman by the name

of Benedetta Bianchiporro, whom they want to canonize, is buried in one of those churches. She was very ill, but she had a very warm attitude toward life, she helped many people, and now her tomb is always a center of pilgrimage. I highly recommend you visit that place. I now realize that I physically miss it and try to go back there more often. Even though I am very happy to be able to work here.

At the university you had the choice between Russian, Danish, Japanese, and Czech.

Why did Russian win?

Actually, I wanted to be an actress, but I didn't know how to do that, so I went the familiar route: I began studying foreign languages at the Urbino University (it is an amazingly beautiful town, where there are more students than regular residents, and they happily study there for some ten years or so – it seems as if the entire world came together in that town). I began studying English and Spanish, but I didn't like my Spanish professor, so I decided to switch to some other more difficult language. I studied Czech for two years, because of the terrific instructor. And, of course, Russian, because I always loved Dostoevsky and Tolstoy, and I thought, when could be a better time to study languages.

And if your Spanish professor had been a good one, we wouldn't have had a Russian actress by the name of Monica Santoro...

I don't know, but I am happy that life gave me a chance to come here. During my training I received a grant for an internship in Prague, then in St Petersburg. I have arrived and at the airport was met by a serious looking man with a banner with my name on it. Then I realized that I was on my own far from my people and was about to start crying in the car...but suddenly I saw sunny Petersburg through the window. And I had this feeling – without it I wouldn't have stayed, – that I've already been here before in some previous life, and that there is some magical theatre here, and that I will find it for myself.

For six months I collected materials about St Petersburg's theatre of the 1990s: the Comedy Theatre, the Maly Drama Theatre, the Marionette Theatre on Nevsky, AKHE, Lev Erenburg's Nebolshoy Drama Theatre, 'Osobnyak', where I would later work as well. One day I asked to sit in at Retsepter's acting course at the academy, where I got to know many of the instructors. Then I came one more time and began taking the course of Yuri Mikhailovich Krasovsky. Then one day I suddenly felt that I did everything I could in St Petersburg. But not yet in Moscow.

I'm curious, what was the most difficult composition that you played when you studied at the conservatory?

I don't know what was the most difficult but I can name the favorite one: Faury's 'Fantasie' – not an easy score. I had fairly good grades, but I ran away without receiving a diploma, because I didn't feel that I loved my instrument more than anything else in the world. Then I began playing at the student theatre in Urbino. My professor didn't understand...

How closely do you associate your future with Russia, where so much has changed?

I perceive Russia through theatre and I am happy that I have met so many wonderful people because of theatre. I hope that this connection will never interrupt. I love what I am doing here and I feel that I am in the right place so far. I don't know about the future. According to Russian saying, time will show.

tella, among other things. The name of the dance comes from the mythical spider 'tarantula', whose bite could cause awful anguish of body and mind. The society rejected these people that were susceptible to such conditions, but also cared for them in its own way, by making them dance this crazy dance – tarantella – day after day to force the poison of the disease out of their bodies."

We would call that exorcism.

Yes. The play is set at the villa 'Despair'. We didn't translate the name 'villa Scalognà' exactly right. The word 'scalognà' has specific meaning: bad luck, rejection, bad karma. Scalognato is a man, who carries bad luck inside him. If you ever watched movies about Ugo Fantozzi – that's a perfect example of a scalognato. Yet villa 'Misfortune' somehow doesn't sound right in Russian, hence – 'Despair'. It was a refuge for those, who could not remain in the society. Pirandello died in 1936, and his plays have this feeling that the world is about to